

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

Статья рассматривает наиболее распространенные исторические сюжеты, актуализированные в сознании российского общества в период подготовки отмены крепостного права. Автор выделяет ключевые функции, которые выполняли представления о прошлом в общественном сознании предреформенной России, в зависимости от того, в какой социально-политической среде происходил процесс актуализации.

Ключевые слова: актуализация прошлого; крестьянская реформа 1861 года; дворянство; чиновничество; крепостное право; Великая французская революция; восстание декабристов.

Об авторе: Селиверстова Наталья Матвеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева. 109153 Москва, Жулебинский бульвар, 18/8-165. nseliverstova@mail.ru

Для понимания любой эпохи чрезвычайно важно учитывать сложившиеся у различных субъектов исторического процесса представления о прошлом, являющиеся важным элементом исторического сознания. Особенно значимыми они становятся во время так называемых переломных периодов в истории, когда общество и государство вовлечены в череду динамичных преобразований, исход которых для многих современников вызывает сомнения. В этих условиях актуализация тех или иных известных исторических событий начинает играть особую роль в общественной мысли. Возможности анализа актуальной действительности расширяются за счет подкрепления примерами из далекого и недавнего прошлого, иногда не только своей страны. Важно понять, какие функции выполняет опыт актуализации знаний о различных исторических событиях и процессах. Эти примеры, выступая в качестве вероятностных моделей, иногда упрощают, спрямляют сложные связи и отношения, определяющие окружающую реальность. Иногда они служат сигналами, предостерегаю-

щими от опасных последствий в случае пересечения неких границ возможного поведения в той или иной ситуации. Исторические аналогии могут использоваться как властью, так и обществом. Выявляемые современниками исторические параллели переживаемых ими событий прежде всего характеризуют состояние и особенности общественного сознания эпохи. Надо понимать, что любые исторические аналогии и параллели – не более чем метафоры, и каждое историческое событие уникально. А то, что образ события становится частью общественного дискурса, говорит не столько о нем самом, сколько о том времени, в каком становится возможен выбор вполне определенного эпизода из прошлого. «Воспоминание» о событии неизбежно выделяет наиболее значимые для текущего момента аспекты того, что случилось в прошлом. Образ исторического события может претерпевать изменения с течением времени. Каждая эпоха вырабатывает свой исторический нарратив, который мобилизует опыт прошлого для осознания настоящего опыта, организует связь трех измерений времени, а также служит для установления определенной идентичности тех, кто участвует в создании и восприятии этого нарратива.

Сама практика актуализации прошлого предполагает наличие знания, пусть даже на поверхностном уровне, фактов истории и возможность их интерпретации. Таким образом, в этом процессе оказываются задействованы прежде всего социальные слои, обладающие определенным образовательным уровнем, причастные к письменной культуре. В то же время процесс актуализации включает в себя и те механизмы, что связаны с исторической памятью о прошедшем, как в рамках одного поколения, так и отстоящего от настоящего на десятилетия, а подчас и столетия назад, но оставившего о себе эмоциональный след в коллективном сознании. При этом, как известно, историческая память о наиболее ярких событиях прошлого способна сохраняться также в сознании тех социальных слоев, что в своей массе лишены доступа к письменной культуре. И в этом случае актуализируется не столько знание, сколько миф о прошлом.

Интенсивность актуализации тех или иных событий прошлого могла быть различной. Часть из них становилась общим местом общественного дискурса, а часть привлекала к себе внимание лишь наиболее искушенной аудитории.

В Российской империи середины XIX в. образованное общество, в рамках которого были возможны апелляции к тем или иным историческим примерам, по преимуществу являлось дворянским. Правительство и административный аппарат также, с формальной точки зрения, относились к высшему сословию, сохраняя с ним тесные связи – как корпоративные, так и личные.

Дворянство Российской империи представляло собой сословие, для которого историческое сознание являлось одним из основополагающих элементов социальной идентичности. Первая статья «Жалованной грамоты дворянству» Екатерины II определяет само понятие дворянства так: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами; чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное»¹. Документы, подтверждавшие принадлежность к высшему сословию, и составлявшие наследие прежних, подчас весьма отдаленных эпох, хранились в семейных архивах как зеница ока. А важнейшим элементом образования потомственного дворянина было его приобщение к фамильным преданиям.

В период подготовки крестьянской реформы в российском обществе произошла значительная актуализация представлений о возникновении, развитии и сущности крепостных отношений.

Формирование этих исторических представлений происходило под воздействием целого комплекса факторов. С одной стороны, на их содержание оказала воздействие историческая мысль эпохи. Сочинения Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина получили распро-

¹ Жалованная грамота благородному российскому дворянству, с принадлежащими к оной узаконениями. 1827, 5.

странение в образованной части российского общества, преобладающую часть которого в дореформенную эпоху составляло дворянство.

Так, согласно точке зрения К.Д. Кавелина, владельческое крепостное право возникло вследствие двух причин. Первой из них была потребность дать прочную оседлость сельскому народонаселению. Второй он называл стремление государства заручиться поддержкой знатных, богатых и сильных для укрепления своих позиций². (При этом К.Д. Кавелин, в отличие от славянофилов, считал, что Петр I «не способствовал развитию крепостного права, но ничего не сделал, чтобы уничтожить его».) Среди причин отмены крепостного права историк называл экономические, политические и нравственные. Невыгоды подневольного труда по сравнению с вольнонаемным; развращающее воздействие крепостных отношений на личную и государственную сферы, порождающее многочисленные пороки и являющееся источником насилия.

В то же время не следует преувеличивать степень интериоризации исторических знаний, их воздействие на существовавшие в поместной среде представления о прошлом своей страны, особенно в том, что касалось истории крепостного права. Тем более что цензура не только в царствование Николая I, но и позднее, вплоть до самой отмены крепостного права, ревностно пресекала любые попытки сделать крестьянский вопрос, как в современном, так и в историческом аспекте, предметом публичного обсуждения.

Например, в 1849 г. цензор «Современника» получил выговор за пропуск в этом журнале одной из частей статьи С.М. Соловьева «Обзор событий русской истории от кончины царя Федора Ивановича до вступления на престол дома Романовых». Признавалось, что в самой работе нет ничего предосудительного. Однако, по мнению администрации, такие подробности, как призывы И. Болотникова к холопам убивать и грабить бояр, а также объяснение успеха и поддержки Лжедмитрия народом тем фактом, что он

² Киреева П.А. 2004, 240-241.

разрешал крестьянам захватывать земли господ своих, служивших Шуйскому, были уместны в специальных исторических трудах, а не в журналах для широкой публики³.

Тем не менее, концепции профессиональных историков (подчас в несколько искаженном виде) становились основой исторических представлений неспециалистов, в тот момент, когда им требовалось осмыслить социальный факт современности, имеющий корни в прошлом. При этом подчас происходило смешение различных, иногда противоречащих друг другу теорий. Так и произошло в период, когда к составлению проектов будущей крестьянской реформы приступила масса как столичного, так и провинциального дворянства, не чуждая интеллектуальной деятельности.

В качестве примера рассмотрим записку, направленную в Главный комитет по крестьянскому делу, в которой помещик Н.А. Никифоров представил очерк развития крепостного права в России. Он доказывал, что крепостное состояние «постепенно образовалось, распространилось и повсеместно утвердилось в отечестве нашем, не злоупотреблением и не произволом частных лиц или владельцев земли, но рядом повременных узаконений, изданных мудрейшими из русских монархов, начиная от Иоанна III до Екатерины Великой включительно»⁴. Автор записки отмечал, «что учреждение крепостного состояния водворило порядок между поселянами, обеспечило Правительству в исправном взносе податей, а землевладельцев в постоянной оседлости у них крестьян...». Тем не менее, признавая исторические заслуги крепостного права, Н.А. Никифоров подчеркивает, что «в видах прогресса нравственного и политического» следует его упразднить, поскольку «оно тягостно для личности человека, затрудняет нравственное и промышленное его развитие»⁵. Причем, в кратком комментарии к записке, сделанном в Глав-

³ Семевский В.И. 1888, 344-345.

⁴ РГИА. Ф. 1180. Оп.1. Т.15. Д.80. Л. 60-61.

⁵ Там же.

ном комитете, указано, что в целом её автор высказывается о пользе крепостного состояния в государстве.

Весьма показательно, что 28 января 1861 г. выступая на историческом заседании общего собрания Государственного Совета, посвященного предстоящей крестьянской реформе, Александр II обратился к истории складывания крепостных отношений: «Вам известно происхождение крепостного права. Оно у нас прежде не существовало: право это установлено самодержавною властью, и только самодержавная власть может уничтожить его, а на это есть моя прямая воля»⁶. Не нуждаясь априори в обосновании своего намерения освободить крестьян, император, тем не менее, прибег к аргументу, объясняющему логику преобразования с юридической и исторической точки зрения.

Конечно, невозможно подходить к исследованию социальных представлений образованной части общества с тех же позиций, что и «немного большинства». В крепостной деревне сохранялись свои представления об истории крепостного права, взаимных отношениях крестьян и помещиков, а также традиции обычного права. Но те помещики, которые жили в своих имениях и находились в тесной связи с крестьянским миром, не могли игнорировать представления и обычаи, устойчиво сохранявшиеся на протяжении столетий.

П.П. Семёнов-Тян-Шанский в своих мемуарах говорит о том, что еще в юности, когда из-за болезни матери вынужден был взять на себя заботы об управлении помещением, он составил себе представление о том, что составляло, по его образному выражению, «неписаную, но верно хранимую в сердцах и преданиях «конституцию поместья». Далее автор мемуаров углубляется в историю тех мест, где находилось его имение. Сначала здесь, по его мнению, жили славянские по преимуществу племена, занимавшиеся земледельческим трудом. Они обладали исконным правом на землю, ими обрабатываемую. С развитием государственности князья обложили местное

⁶ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. 1915, 5.

население налогами. Затем, особенно с возникновением Московской Руси, государи стали превращать часть земель в поместья, передавая боярам и дворянам свои права на населенные земли, взамен их жалованья за службу государству. При этом передавались только лишь права на сбор с крестьян натуральных и денежных повинностей, принадлежащие до тех пор государству. И помещики, и государство были заинтересованы в удержании на местах земледельческого населения. Так крестьяне поместий окончательно сделались крепостными, особенно после отмены Юрьева дня. А в поместьях утвердились порядки, которые составили признаваемое во всех поместьях обычное право. Основую этого права было бесспорное владение крестьянами тем количеством земли поместья, какое было ... необходимо для прокормления крестьян и обеспечения их повинностей перед помещиком и государством»⁷.

П.П. Семёнов писал, что помещикам также принадлежала некоторая административная и судебная власть над крестьянами в своем поместье, которой они редко пользовались и передавали ее народному суду стариков, так называемых «затыглых» крестьян, получивших по своему возрасту свободу от всяких обязательных работ, умудренных опытом хранителей обычного права и бытовых народных воззрений⁸.

О существовании исторического или обычного право крестьян на землю писал и А.М. Унковский, тверской предводитель дворянства. Под этим он подразумевал право общины русских крестьян на владение таким количеством земли, которое было необходимо для её жизни. Он писал, что «община помещичьих крестьян, продовольствие помещика, была вечным и единственным фактическим владельцем некоторой части помещичьей земли». Исходя из этого, он делал вывод о невозможности и несправедливости дарования крестьянам личной свободы без всякого права на землю уже

⁷ Семёнов-Тян-Шанский П.П. 1915, 35.

⁸ Семёнов-Тян-Шанский П.П. 1915, 36.

потому, что это противоречит понятиям всего народа, и повинности которой лежали на ответственности помещика, была вечным и единственным фактическим владельцем некоей части помещичьей земли»⁹.

Любопытно, что позицию помещиков черноземных губерний, среди которых значительную часть составляли противники крестьянской реформы, П.П. Семёнов-Тян-Шанский также объяснял с точки зрения истории становления крепостного права. Владельцы барщинных поместий, по его мнению, привыкли жить в своих поместьях, сами заниматься хозяйством «и, в качестве поместных дворян, считали, можно сказать, самих себя крепкими своим поместьям»¹⁰. Лучшие из них оставались верными обычному праву, и признавали свои имения, жалованные им московскими царями и населенные крепкими земле крестьянами, не за личную собственность, «а за кондоминиум, неразрывно связывающий их со своими крепостными крестьянами». Таким помещиком тяжело было привыкнуть к мысли об изменении привычного для них правопорядка. Их называли «крепостниками», но они признавали права крестьянской общины на пользование землею поместья в равном отношении с площадью помещичьей запашки, на что указывала узаконенная трехдневная барщина¹¹.

В период отмены крепостного права значительная часть высшего сословия опиралась на свои исторические представления о становлении этого института и предпочитала рассматривать крестьянскую реформу делом актуальным, но требующим весьма неспешного и всестороннего рассмотрения, соразмерного его историческому масштабу.

Подготовка к освобождению крестьян воспринималась российским обществом как действие экстраординарное, выбивающееся из ряда обыденной череды событий. Напря-

⁹ ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. т. 2. Д. 1846. Л. 2.

¹⁰ Семёнов-Тян-Шанский П.П. 1915, 41.

¹¹ Семёнов-Тян-Шанский П.П. 1915, 41.

жение от ожидания было чрезвычайным, и вероятным горизонтом ожиданий для многих были революционные потрясения, вызванные Великой французской революцией. Отсылка к различным эпизодам французской истории периода с 1789 по 1793 года стала практически общим местом, пусть не в прессе, но в переписке и в устных дискуссиях, о которых упоминают дневники и мемуары того времени.

Часть из тех, кто позволял себе сравнение предреформенной России с Францией, вступавшей в эпоху революционных потрясений, обладали достаточным объемом знаний, чтобы с полным основанием проводить подобные параллели. Но подавляющее большинство скорее использовало образ революционной Франции как пугающую метафору, символ катастрофического развития ситуации, первоначально развивающейся в привычных рамках. В последнем случае, как правило, не требовались специальные доказательства, пугающее сравнение действовало не на уровне логики, а в сфере эмоций.

Граф М.Д. Бурурлин писал в воспоминаниях: «В самом разгаре предварительных работ к близкому уже обнародованию крестьянской реформы распространилась в читающей публике книга... Токвиля, озаглавленная “L`ancien régime et la Révolution»¹². Алармиство¹³ горячо ухватилось за эту книгу, применяя к России сказанное в ней, что Французская революция сделалась неизбежным последствием правительственной неурядицы, продолжавшейся весь XVIII век. Вывод этот не новый и известен всякому гимназисту; но дело в том, что наши ворчуны как будто забывали, что уступки и прочие реформы были вымучены у Людовика XVI насильственно и потому слишком уже опоздали, между тем как наш царь добровольно предпринял инициативу в столь важном деле, дабы отстранить возможность будущего кризиса»¹⁴.

¹² «Старый порядок и революция» (фр.).

¹³ Встревоженная часть общества.

¹⁴ Записки графа М.Д. Бутурлина. 2006, 382.

Члены Харьковского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян Д.А. Хрущов и А.И. Шретер в своем отзыве, представленном Редакционным комиссиям, высказывались против временнообязанных отношений между крестьянами и помещиками, и настаивали на «выкупе земельных участков в пользу крестьянина путем финансовой операции, с вознаграждением дворян-помещиков непосредственно от Правительства единовременной выдачей гарантированных им кредитных знаков, на сумму ценностей, уступленных дворянством крестьянам». В то же время они считали, что переходное состояние может породить волнения в крестьянской среде, разрушить народные надежды на получение «полной свободы и земли в полную собственность». И, дабы подчеркнуть крайнюю опасность подобной ситуации, авторы документа апеллируют к наиболее устрашающей исторической параллели: «Что если эта вера народа в благость Верховной власти поколеблется? Не впадет ли Россия в ту бездну несчастий, которые пережила Франция, без всякой для себя пользы?»¹⁵.

Два приведенных примера скорее относятся к эмоциональным метафорам, чем к выверенным историческим параллелям. Но в то время актуализация опыта Великой Французской революции принимала разные формы.

Весьма любопытно привести сопоставление исторических путей Франции и России, высказанное французским дипломатом Шарлем Бодэном в секретной депеше, адресованной в Париж, министру иностранных дел графу А. Валевскому. Подготовка к освобождению крестьян от крепостного права в России вызывала живейший интерес в Европе, и Шарль Бодэн делал все возможное, чтобы представить наиболее объективные сведения и оценки текущих событий. В 1857 г., когда правительство уже выразило вполне определенное намерение отменить крепостное право, но это желание вместо всесторонней поддержки и одобрения

¹⁵ Приложения к трудам Редакционных комиссий по крестьянскому делу. Отзывы членов губернских комитетов. Т.2 1860, 822.

встретило глухое сопротивление в дворянской среде, французский дипломат ожидал решительных шагов со стороны императора. Он начал сомневаться в успехе предпринятых российской властью реформ, и напротив, был охвачен недобрыми предчувствиями будущих бедствий. В донесении от 5 ноября 1857 года Ш. Бодэн писал: «Le caractère de l'Empereur Alexandre II n'est pas sans présenter quelques analogies avec celui du Roi Louis XVI. Il a le même bonté, la même honnêteté, les mêmes intentions genereuses; il a aussi la même absence d'énergie. On peut, je crois, en continuant le rapprochement, dire sans se tromper que la Russie en est arrivée à son année 1787. Que Dieu la préserve d'un 93!»¹⁶.

К числу событий всемирной истории, которые вызвали отклик у современников подготовки освобождения крестьян в России, была война Севера и Юга, между противниками и сторонниками рабовладения в США. Но в колониях Англии и Франции рабство уже было уничтожено. Этой теме в период подготовки освобождения крестьян от крепостной зависимости посвящалось достаточное количество работ, как исторических, так и публицистических, носивших популяризаторский характер, печатавшихся в популярных общественно-политических, литературных журналах.

В данном случае речь шла об актуализации исторических событий недавнего прошлого, причем параллелизм ситуаций был очевиден для людей подготовленных, образованных. На эту аудиторию и ориентировались упомянутые печатные издания. Подобные статьи формировали общественный дискурс, задавая направление и определяя характер обсуждения современных проблем. Их авторы, которыми могли быть не только профессиональные истори-

¹⁶ «Можно провести аналогию между характером императора Александра II и короля Людовика XVI. Он обладает такой же добротой, честностью, такими же благородными намерениями; и ему так же не хватает энергии. Как я полагаю, продолжая это сопоставление, можно безошибочно утверждать, что Россия вступила в свой 1787 год. И да сохранил её Господь от 93!» (фр.). Цит. по: *Черкасов. П.* 2007, 118.

ки, выступали как эксперты, на мнение которых могли ссылаться все те, кто участвовал в полемике. Редакции журналов привлекали авторов в соответствии с тем, насколько высказываемые ими позиции были близки избранному направлению издания.

Так в «Русском вестнике» в 1858 г. была напечатана статья историка А.И. Георгиевского «Об уничтожении невольничества в английских колониях». Автор работы не скрывал своей позиции, осуждая рабство, тех же, кто выступал против «невольничества», он называл «друзья человечества»¹⁷. Что любопытно, А.И. Георгиевский считал справедливым «воздаянием за вековые неправды» те материальные потери плантаторов, которые они претерпели после отмены рабства. В то же время он считал эти экономические последствия временными, поскольку свободный труд гораздо производительней подневольного. В заключении статьи автор рисует светлую перспективу процветания британских колоний, свободных от рабства. Он подчеркивает, что «лучшим приготовлением к состоянию свободного человека может быть только дарование самой свободы; оказалось, что дело, удовлетворявшее вполне требованиям христианской нравственности, человеколюбия и справедливости, не могло быть вредным и относительно материального благосостояния»¹⁸. В данном случае мы видим пример такой актуализации прошлого, когда положительный опыт иных стран, прошедших на пути к свободе различные испытания, предлагался как образец для подражания современникам, и мог участвовать в формировании вполне определенного образа будущего.

Можно также указать на серию анонимных статей об освобождении негров, появившуюся на страницах «Отечественных записок» в 1859 г. Статьи, подписанные инициалами Д.Г., в гораздо более выраженной форме представляют собой опыт научного подхода к освещаемой проблеме. Автор анализирует различные концепции и подходы аболиционизма, пытается объективно говорить о достижениях и про-

¹⁷ Георгиевский А. И. 1858, 115.

¹⁸ Георгиевский А. И. 1858, 131.

блемах на пути уничтожения рабства не только в колониях Англии и Франции, но во всемирном масштабе. Но в то же время в этих статьях в меньшей степени прослеживаются любые возможные аналогии с освобождением крестьян в России. И главным тезисом, защищаемым автором, становится также утверждение о большей производительности свободного труда по сравнению с подневольным¹⁹.

Конечно, в период подготовки отмены крепостного права наиболее актуальными были сопоставления современной российской ситуации с опытом осуществления крестьянских реформ в Прибалтике, на территории Российской империи, а также в Пруссии и других странах, – опытом, в большей или меньшей степени отстоящим от текущего момента и успевшим продемонстрировать свои сильные и слабые стороны. Выступая перед членами Государственного совета, император Александр II, упомянул о неприемлемом для России насильственном характере крестьянской реформы в Галиции и Австрии. Также он критически высказался о решении крестьянского вопроса Наполеоном в Царстве Польском, когда, по его словам «безземельное освобождение крестьян имело последствием, что власть помещиков сделалась для крестьян тяжелее, чем прежнее крепостное право»²⁰. К этому времени уже вполне сформировалась правительственная точка зрения на характер предстоящей крестьянской реформы в России, для которой освобождение крестьян без наделения их землей было неприемлемо. Поэтому неудивительно, что Александр II, продолжая свое выступление, охарактеризовал отмену крепостного права в Остзейских губерниях как негативный опыт, приведший к резкому обнищанию местного крестьянства.

В бумагах рязанского помещика Федора Сергеевича Офросимова, члена губернского комитета по проведению крестьянской реформы, одного из лидеров консервативного большинства, приводится характеристика крестьянской

¹⁹ Д. Г. 1859, 110-144.

²⁰ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. 1915, 5.

реформы в Пруссии. По мнению автора, если в России во время реформы «не будет ясно и твердо гарантировано право помещиков на всю землю», то, как «в Пруссии, где Правительство отдало 2/3 земли крестьянам, вознаградив за неё помещика 1/3 земли, считавшейся его же собственностью, помещики не будут иметь никакого желания делать какие-либо улучшения в имениях, опасаясь новых перемен и новых нарушений права собственности»²¹. Таким образом, очевидно, что при решении крестьянского вопроса в Пруссии, по мнению автора, права поместного дворянства не были защищены должным образом.

В коллективной памяти российского дворянства в период подготовки крестьянской реформы всплывали и те эпизоды недавней истории, о которых еще недавно никто не смел упоминать, но это вовсе не значило, что о них забыли. Речь, прежде всего, идет о движении и восстании декабристов. Власть по-прежнему крайне настороженно и весьма негативно воспринимала любые аллюзии, связанные с датой 14 декабря. В свою очередь дворянство в изменившейся ситуации позволяло себе некоторое фрондерство, отваживаясь на упоминание запрещенной прежде даты. Иногда это фрондерство приобретало карикатурные формы. Например, в феврале 1859 г. на обеде, данном в Смоленске членами губернского комитета по подготовке крестьянской реформы, был произнесен тост «за 14 декабря». Согласно рапорту смоленского полицмейстера этот тост произнес помещик Юхновского уезда Семен Воронец, а поддержал его губернский предводитель дворянства, Николай Егорович Криштофович. Один из присутствующих, депутат Платон Николаевич Энгельгардт возразил: «Что вы делаете!», но губернский предводитель отвечал, что этот тост следует произнести во что бы то ни стало²². Правда, серьезность происшествия на деле оказывается весьма преувеличенной, поскольку упомянутый

²¹ ГАРО. Ф. 898. Оп 1. Д. 25. Л. 3.

²² РГИА. Ф. 982. Оп. 1. Д. 53. Л. 1-2.

обед сопровождался обильными возлияниями, и после него попойка переросла в пляску с привлечением подвернувшейся под руку посудомойки. А сам тост, по свидетельству многих, был произнесен, поскольку 14 декабря 1858 г. было днем присяги вновь избранного губернского предводителя дворянства. Автор донесения, смоленский полицмейстер барон Эммаус, не мог с полной определенностью утверждать, какой именно смысл был заключен в произнесенном тосте. Тем не менее в данном случае важно то, что могли услышать и услышали в произнесенных словах присутствующие на обеде дворяне, пусть и не в меру разгоряченные спиртным. Это был явный знак, отсыл к дворянской фронде, оппозиционности, фатальному событию, сохранившемуся в исторической памяти общества, и протест благоразумного депутата подтверждает именно такое истолкование.

Среди деятелей крестьянской реформы важное место занимали те, кто в прошлом лично был связан с движением декабристов. Для них событие 14 декабря определило всю последующую жизнь, и воспоминания о нем сопровождало их постоянно. Руководитель Редакционных комиссий Я.И. Ростовцев в молодости состоял членом декабристской организации, но не был согласен с организацией восстания. Дабы предотвратить его, он 12 декабря 1825 г., предупредил Николая I о планах заговорщиков, не называя их имен. В глазах многих он выглядел предателем декабристов. Его лучший друг Е.П. Оболенский, один из ключевых участников событий 14 декабря, тридцать лет провел на каторге и на поселении в Сибири. По своему возвращении в Калужскую губернию он активно участвовал в подготовке крестьянской реформы, последовательно отстаивая либеральную позицию. В это время они возобновили дружеские отношения, вели переписку, обсуждая насущные проблемы, и, прежде всего, крестьянскую реформу. Можно привести одно из первых писем Я.И. Ростовцева Е.П. Оболенскому, от 18 ноября 1858 г., где он упоминает, как в 1857 г. он приехал увидеть своего друга после тридцатидвухлетней разлуки. «Прошлою зимою,

когда приезжал я обнять тебя в Калуге, с каким наслаждением провели мы несколько счастливых часов, говоря о прошлом и настоящем: 14-е Декабря, освобождение крестьян, счастье и прогресс России были главными темами нашего разговора»²³.

Весьма прозрачную аллюзию на события 14 декабря 1825 г. позволил себе князь Иван Васильевич Гагарин, консервативный предводитель дворянства Воронежской губернии, в крайне негативном отзыве на вопросы Редакционной комиссии в 1859 г. Он патетически вопрошал, как возможно само сомнение в преданности дворянства монарху и благу народному. «Неужели Великая Монархия ошиблась, назвав это дворянство: ум и душа народа? Неужели этот ум и душа народа... да простят меня гг. члены Хозяйственного отделения такой вопрос... неужели этот ум и душа остались только в цифре 14?»²⁴. Можно истолковать эту фразу как намек на существование некоей преемственности между идеалами тех, кто скрывался за цифрой 14, и тех, кто в период подготовки крестьянской реформы определял направление государственной политики, системой ценностей либеральной бюрократии. В дерзком сравнении кроется вызов тем, кто, по мнению автора отзыва, злонамеренно покушался на основу основ – благосостояние благородного сословия, а также, заронял сомнение самодержца в преданности дворянства, и таким образом разрушал связь от века связывавшую монарха и высшее сословие Российской империи.

В той или иной степени, эти два варианта представляют амбивалентное восприятие восстания декабристов в дворянской среде предреформенной эпохи. С одной стороны, это мятеж против законной власти, подрывающий основы основ, вдохновленный пагубными либеральными идеалами. Причем, для современников освобождения кре-

²³ Переписка Е.П. Оболенского с Я.И. Ростовцевым. 1857-1860 гг. 2011, 37.

²⁴ Приложения к трудам Редакционных комиссий по крестьянскому делу. Отзывы членов губернских комитетов. Т.1 1860, 269.

стьян очевидной была преемственность между антикрепостнической программой декабристов и системой воззрений либеральной бюрократии, воплощаемой в законодательные акты и правительственные инструкции. С этим были согласны как те, кому были близки взгляды реформаторов, так и их противники.

С другой стороны, декабристы являлись представителями высшего сословия, и их независимость от власти, решимость в отстаивании своих идеалов, жертвенность, ореол благородства и бескорыстия в глубине души для многих представителей дворянства сохраняли свою притягательность, являя некую модель фрондерства. В условиях, когда в десятилетия, последовавшие за подавлением восстания декабристов, императорская власть все более явственно стремилась опираться не только на высшее сословие, но во все большей степени на бюрократию, усиливается соперничество между этими двумя социальными группами, сопровождающееся взаимными обвинениями, а также осознанием собственных корпоративных интересов. Этому процессу не мешало то, что высшая и средняя бюрократия была представлена служилым дворянством, которое могло также владеть поместьями, и только низшие канцелярские должности рекрутировались из разночинной среды. В этой ситуации скрытого и явного противостояния дворянства и чиновничества перед лицом высшей власти благородное сословие со все большей определенностью начинает осознавать свои собственные корпоративные интересы. Отсюда апелляция к историческим примерам фронды, когда дворянство осмеливалось высказать перед правительством свою точку зрения.

В предреформенном обществе существовал еще один возможный аспект представлений о восстании декабристов: как попытки введения конституции в России, ограничения власти императора.

В подобном контексте можно рассматривать актуализацию исторического эпизода с Анной Иоанновной, сначала подписавшей кондиции верховников, а затем их порвавшей. Когда после окончания работ губернских комитетов по кре-

стьянскому делу местные проекты поступили на рассмотрение Редакционных комиссий, поместное дворянство еще сохраняло уверенность в том, что их мнения будут играть решающую роль в определении контуров будущего освобождения крестьян. Но вскоре, по прошествии недолгого времени, до них стали доходить сведения о реальном состоянии дел, и встревоженная дворянская общественность попыталась изменить ход событий. На имя императора начали поступать адреса, ходатайства с жалобами на то направление в решении крестьянского вопроса, который избрали Редакционные комиссии. В конце 1858 – 1859 гг. оформляется аристократическая оппозиция реформаторскому правительственному курсу. В этой ситуации аналогии с попыткой ограничения самодержавия, в виде кондиций, подписанных Анной Иоанновной, были чрезвычайно актуальны. Конечно, дворянские конституционные проекты получили наибольшее распространение уже в пореформенные десятилетия, но сама идея высшего представительного органа, имеющего право ограничить власть императора, зародилась в среде высшего сословия еще накануне освобождения крестьян. Сторонники идеи конституционализма существовали в России не только в аристократической среде, но они были многочисленны. Тем не менее, отвечая на общественный интерес к проблеме, журнал «Русский вестник» в 1859 г. публикует статью П.К. Щербальского «Вступление на престол императрицы Анны», содержащей как текст самих кондиций, подписанных Анной Иоанновной (правда во французском варианте), так и рассказ об обстоятельствах начала этого царствования. Автор проводит параллель между возведением на шведский престол сестры Карла XII Ульрики-Элеоноры, права которой были изначально ограничены депутатами от сословий рядом условий и тем, каким образом было обусловлено утверждение на престоле Анны Иоанновны. Он также отдает должное патриотическим устремлениям крупнейших русских вельмож той далекой эпохи, таких как А.П. Волынский, В.Л. Долгоруков, сочетавших в себе черты европейской образованности и самобытной русской культуры. Помимо

этого, работа содержит гневные обличения бироновщины. В целом по прочтении статьи у читателя должно было сложиться впечатление о том, что верховники руководствовались преимущественно заботой о реализации гражданственных идеалов, а не корыстными интересами²⁵.

Чтобы лучше понять, каким образом в сознании современников Великих реформ сближались события 14 декабря 1825 г. и начало царствования Анны Иоанновны, обратимся к свидетельству Ю.Ф. Самарина, одного из активных деятелей крестьянской реформы, видного общественного деятеля, славянофила, публициста. В статье «По поводу толков о конституции», написанной через год после отмены крепостного права, он назвал конституцией кондиции, подписанные императрицей Анной Иоанновной, и в следующей фразе приводил другой пример неудачной попытки ограничения самодержавия – когда 14 декабря на Дворцовую площадь обманом были выведены гвардейские полки. С точки зрения Ю.Ф. Самарина народ сам вправе решать, какую форму правления выбрать, но для России в то конкретное время, когда на престоле находился реформатор Александр II, а сторонниками конституции были по преимуществу противники преобразований, ограничение самодержавия он считал «делом безумным», «бедствием и преступлением против народа»²⁶.

Итак, прошлое, оживая в сознании современников, начинало играть важную роль в понимании текущих процессов, активном целеполагании, а значит опосредованно воздействовало на будущее. В свою очередь исследователь, изучающий опыты актуализации прошлого в определенную эпоху, включается в межпоколенный дискурс, пытаясь его осознать и продолжить.

Список сокращений

ГАРО – Государственный архив Рязанской области.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
ГАТО – Государственный архив Тверской области.

²⁵ Щербальский П. 1859, 6-64.

²⁶ Самарин Ю. Ф. 2013, 326-327.

РВ – Русский вестник. М.
ОЗ – Отечественные записки. СПб.

Литература

- ГАРО. Ф. 898. Оп 1. Д. 25.
ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. т. 2. Д. 1846. Л. 2.
Георгиевский А.И. 1858: Об уничтожении невольничества в английских колониях // РВ. 14, 115-131.
Д. Г. 1859: Освобождение негров // ОЗ. 124, 110-144.
Жалованная грамота благородному российскому дворянству, с принадлежащими к оной узаконениями. 1827: СПб.
Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. 1915: Петроград. Т. 1.
Записки графа М.Д. Бутурлина. 2006: М. Т. II.
Киреева Р.А. 2004: Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М.
Черкасов. П. 2007: Отмена крепостного права в освещении французских дипломатов в Санкт-Петербурге (1856 – 1863) // Cahiers du Monde Russe. 48/1, 86-136.
Переписка Е.П. Оболенского с Я.И. Ростовцевым. 1857-1860 гг. 2001: СПб.
Приложения к трудам Редакционных комиссий по крестьянскому делу. Отзывы членов губернских комитетов. 1860: СПб. Т.1
Приложения к трудам Редакционных комиссий по крестьянскому делу. Отзывы членов губернских комитетов. 1860: СПб. Т.2.
РГИА. Ф. 982. Оп. 1 Д. 53
РГИА. Ф. 1180. Оп.1. Т. 15. Д. 80.
Самарин Ю.Ф. 2013: Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Литература и история. СПб.
Семевский В.И. 1888: Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: в 2 т. СПб. Т. 2.
Семёнов-Тян-Шанский П.П. 1915: Эпоха освобождения крестьян в России. 1857 – 1861 гг. СПб. Т. 3.
Щебальский П. 1859: Вступление на престол императрицы Анны // РВ. 19, 6-64.